

Дворянин

Огромный неуклюжий медвежонок с мокрым носом, к примеру, восьмимесячный щенок бернского зенненхунда, может испугаться старой визгливой чихуа-хуа. Не потому, что от рождения труслив, а потому, что способен видеть сквозь тонкую шкуру мелкой собачонки натруженные мускулы души, самоутверждённой мудростью собачьей жизни.

В отличие от умных и милых пушистых щенят, благоухающих молоком матери, взрослые люди очень глупы, хотя порой и умеют совершать правильные поступки. Взрослые казалось бы люди, а судят друг о друге по одежке и атрибутам благосостояния, не упуская ни малейшей возможности облаять, унижить, подвинуть маленького человека.

Человек может казаться маленьким, скромным, мелким – по запросам, амбициям, тратам, не возвеличивающим своего эго благами разных мастей. Человек может быть даже крошечным, помещающим скромный мир в добром лучистом взгляде, простом рукопожатии и поклоне, но окажется громадной глыбой, не жалеющей своей доброты.

Однажды в час пик в кафе я уступила очередь на кассу голодному то ли разнорабочему, то ли владельцу бизнеса, вежливый человек сразу и не разберёт, ибо не пялится на чужие ботинки. Давно люблю посещать такие места, где никто не осудит меня за отсутствие дворянского происхождения, которое я облачаю обычно в старые джинсы и простую рубашку. Я люблю класс простых тружеников, частью которых являюсь, ведь только в труде мы становимся настоящими.

Труженик оказался частью прекрасного народа, где почтение к мужчине считается наивысшим благом, и мою уступку он весьма оценил, хотя и ощутил неловкость. Мы как-то сразу поняли друг друга, однако синхронизацию времени суждено было нарушить человеку, считавшему себя чуть более дворянином, чем является на самом деле.

“Девушка, разрешите вас подвинуть”, – заиграл тенор за моей спиной, ударившись в лоб гордому жителю Кавказа, которому я уступила.

“Поднос можно. Меня – нет”, – ответила я с улыбкой – себе, а ему – в пустоту, не оборачиваясь и двигая свой поднос с одной лишь маленькой тарелкой салата.

“Хамить не обязательно”, – робко прозвучало в тишине.

Разумеется, оно должно было прозвучать, потому что я не захотела подставлять вторую щеку. Не подставила щеку, не пожелав молча проглотить “вас подвинуть”, вот и получи робкий, трусливый ответ.

Хамила не я, а моя осанка, моё равнодушие к чужому эго и собственному чувству голода. Я не отдавала энергию вампиру – этим я ему и хамила. Я не отдавала энергию кассе и очереди к ней, пропуская человека вперёд и не спеша ожидая движения – этим я хамила кассе. Моё эго от этого тоже раздулось и стало отвечать быстрее меня самой.

“Разве я вам нахамила?” – также с улыбкой и почти не оборачиваясь уточнила я, почему-то молниеносно и со всех сторон увидев хозяина тенора в компании с девушкой. Дорогая кожаная куртка, которая одевается только по случаю. Отглаженная мамой рубашка и такие же штаны. Узкие плечи, которые не удержат бревно, лодку или тушу барана. Холёные руки, которые ничего не умеют делать. Стесняется себя, не осознавая этого и пытаюсь найти уважение извне. По левую руку хорошая молодая девушка, которая не будет рядом с ним счастлива, именно по этой причине парню так важно самоутвердиться хотя бы на кассе.

“Да, абсолютно, вы мне нахамили”, – так же робко и не утруждая себя обдумыванием смысла “вас подвинуть” ответил мне амбициозный мечтатель двигать людей. “Я биток – бьющий бильярдный шар, мне тычет в спину моё эго, а вы все стоите неправильно. Я хочу есть. Я хочу быть красивым и всем нравиться. А вы мне не нравитесь. Сейчас я подойду и буду вас двигать так, как мне хочется. Только, наверное, не смогу подвинуть всех и сразу, я не волшебник. Буду двигать тех, кто попроще, к примеру, вон те простые джинсы в старых кроссовках на незащитной особи женского пола”. – вот и вся жизненная философия оголодавшего потребителя.

“Вы настроены на то, чтобы вам нахамили”, – завершила я этот нелепый карамболь. Тишина. Неловко стало всем. В таких ситуациях обычно я густо краснею. Но на этот раз краснели все, кроме меня. Это была не игра, и здесь не было победителей. Над нами нависло сострадание, как облако, из которого вот-вот хлынет дождь.

Парень, ты меня прости, что почувствовал себя униженным. Я задумалась не о себе, а о том, сколько вокруг страждущих и голодных, я об этом очень часто думаю. А когда ты ко мне обратился, я подумала только о своём подносе, который мешал тебе, и я с удовольствием его подвинула. Я бы тебя даже накормила, если бы ты попросил. А ты думал о себе и о том, как тебе мешают люди. Ты сам себя унижил, и я прошу твоего прощения, что была свидетелем этого.

В другой раз, когда будешь судить о ком-то по одежке или половому признаку, забери у своего ЭГО обратно хотя бы минутку своей жизни и подумай, как теряешь к людям уважение, не зная, на какие они способны поступки.

До чего же я люблю простую рабоче-крестьянскую одежду. Она способна вывести на чистую воду любого, даже самого отъявленного дворянина!